

Сотрудничество Малика и Нориэля было взаимовыгодным, что ребята поняли мгновенно. Они оба были одиночками, они оба были для общества чужими (пусть и по разным причинам), и они оба нуждались в помощи. По правде говоря, в ней больше нуждался Нориэль, который практически ничего не знал про внешний мир за пределами мифического Леса, но и неотёсанный варвар получил столь нужную ему поддержку. Одному выживать тяжело, морально — в том числе.

Парень нуждался в ком-то, кто будет выслушивать его многочисленные тирады, терпеть его шутки и слушать. Много-много слушать — про всё на свете. Нориэль подходил для этого идеально, ему это было даже полезно. Пусть мальчишка и был на фоне своих сородичей электровеником, на фоне людей его можно было считать спокойным как танк и терпеливым как черепаха. Малика подобный расклад более чем устраивал. Кому-то в компании нужен рот, а кому-то — уши. Даже если они, как для людей, неестественно длинные и острые. Кто сказал, что это минус?

Про способности Нориэля и говорить нечего — он мог, находясь на расстоянии, не только прикрывать, но и буквально дистанционно делать союзника сильнее. Кто не захотел бы такого товарища?

Со стороны Нориэля был лишь один вопрос. Возможно, на данный момент совсем не критичный, но безумно важный.

— У меня есть цель, Малик, — твёрдо заявил Нориэль.

— Вот как? — удивлённо вскинул бровь Малик. — И что же это за цель, мой новый ушастый друг?

Нориэль мысленно вздохнул.

Всё же, «ушастик» звучало помягче и подружелюбнее. Люди действительно были разными. Сородичи Нориэля, справедливости ради, тоже обладали своими уникальными личностями, однако в Лесу все были скорее близкими родственниками, каждый из которых хотя бы немного, но походил на своего сородича. Не только внешне. Даже Старейшина. Люди же пока казались Нориэлю намного более индивидуальными и независимыми. По словам Айши, они могли отличаться между собой и очень сильно. Подросток был рад, что первый человек, на которого он наткнулся, была именно Айша.

В какой-то степени, это его благословление и проклятье.

Нориэль молча заиграл на флейте, естественно, вложив в свою игру восстановившееся за три дня чудо. Каким бы варваром Малик не был, не слышавший ничего и близко подобного парень утонул в волшебной мелодии практически мгновенно. Словно этого мало, вокруг Нориэля закружили его духи, создав в пещере совершенно уникальную атмосферу.

Когда Нориэль прекратил игру, Малику потребовалась удивительно долгая минута для того, чтобы что-то сказать.

— Видят Духи, ты настоящий чудотворец, Нориэль, — с неприкрытым уважением, целиком и полностью признавая заслуги Нориэля, склонил голову Малик. — Своей игрой на флейте тыразишь чужие сердца и души, не доставая оружия. Все западные племена должны будут услышать твою игру! Не волнуйся, со мной ты...

— Моя цель не в том, чтобы разнести свою игру. Точнее, не только, — покачал с улыбкой на

лице головой молодой эльф. — Я хочу познать чудо во всех его проявлениях. Хочу прикоснуться ко всем возможным знаниям, что только существуют в мире. Моя же игра — продолжение моего чуда. Вот моя цель. Поможешь ли ты мне?

Малик почесал голову. Он впервые увидел, чтобы у кого-то настолько сильно горели глаза. Смуглокожий варвар, неопределённо хмыкнув, задумался.

— Чудотворцев безумно мало. Обычно они рождаются только у родов вождей. Знания за пределы родов крайне редко уходят, Нориэль.

Подобное откровение молодому эльфу не сказать, чтобы понравилось. Впрочем, он уже знал, что легко не будет. В какой-то степени...

Было бы скучно, протяни ему столь желанные знания на блюдечке. Нориэль слишком устал от однообразия Леса.

— Ты тоже относишься к роду вождя племени? — обдумав слова Малика, удивлённо спросил Нориэль.

— Я? Малик, Насмехающийся над Традициями? — громко заржал парень. — Нет-нет, я — уникам! Иногда и у простых людей рождаются чудотворцы. Мой отец — самый обычный охотник, мать была слаба телом и даже роды не смогла пережить. Я первый чудотворец в своём роду, в этом нет заслуги предков.

— Тогда почему тебя изгнали? — совсем растерялся Нориэль. — Разве тебя не должны были ценить?

Нориэль крайне сомневался, что каждый охотник в племени будет обладать такой же силой. Как и сомневался в том, что к «уникуму» будут плохо относиться. Строго? Возможно. Но плохо — крайне маловероятно. В этом просто не было смысла.

— Меня и ценили, — пожал беззаботно плечами Малик. — Мне просто оказалось этого мало и я захотел перемен. Обещаю тебе, мой новый ушастый друг, если мы продолжим наше путешествие вместе, то ты всё скоро узнаешь. Что же касается твоей цели, то... — парень задумчиво потёр подборок. — То, что знаю я, узнаешь и ты. У нас разное чудо и мы явно отличаемся, но если это твоя цель, то почему бы и нет? Мне она никакого вреда не принесёт. Уж я, хе-хе, не пекусь по поводу традиций. Знания же главенствующих родов...

Улыбка парня стала намного более хитрой, жёсткой и даже жестокой. Нориэль по одному взгляду на варвара мог сказать, что человек перед ним, несмотря на показную простоту и грубость, был довольно амбициозен и со своим нынешним положением вечно мириться не собирался.

— Если ты пойдёшь за мной, то рано или поздно получишь знания всех западных племён. Духи природы свидетели моих слов, Нориэль.

Нориэль, перерождённый дух природы, моргнул.

В принципе, звучит достаточно убедительно. Почему именно природы — мальчишка не знал, но почему бы и нет?

Нориэль шестым чувством понимал, что разумный перед ним жаждал не столько перемен, сколько величия и признания. Движения. Пусть величие и признание было чуждо

перерождённому духу природы, перемены он и сам мечтал увидеть всей душой. Его сущность пела и танцевала, чувствуя, какой простор всего перед ним открылся. Казалось, что даже теплота внутри него, мистическая энергия, откликнулась на все эти эмоции и по чуть-чуть, но росла, подпитываемая эмоциями своего обладателя.

В любом случае, подростку всё равно не было смысла отказываться. Ему и так уже повезло, что он наткнулся на очень хороший источник информации. Даже если и не идеальный. Кто сказал, что будет легко?

— Хорошо, — открыто улыбнулся подросток. — Я поверю тебе.

Малик поднялся, протянув Нориэлю крепкую, покрытую шрамами, загрубевшую ладонь, которая в современном мире точно не могла бы принадлежать ещё совсем молодому парню. Скорее всего не могла.

Нориэль, не зная про традицию рукопожатия, непонимающе уставился на своего нового друга.

Малик понял затруднения чужеземца.

— Из какого же чудного места ты прибыл, Нориэль. Надеюсь, когда-нибудь ты расскажешь мне про свой дом. Но ничего, ха-ха-ха! Со мной ты быстро поймёшь тонкости нашей культуры. Протяни мне руку. Так ты покажешь, что у тебя нигде не спрятано оружие и твои намерения благие. Не пожмёшь руку — проявишь неуважение. Запомни это.

Нориэль, благодарно кивнув, молча протянул руку, которую Малик тут же крепко сжал. Так крепко, что подросток тут же перестал чувствовать любую благодарность к варвару. В глазах парня потемнело.

Ему показалось, что в его руке что-то громко хрустнуло.

Смех Малика впоследствии Нориэль будет слышать ещё часто. Безумно часто.

Правда, варвару будет смешно далеко не всегда.

Далеко.

И совсем скоро он в этом убедился.

— Мой новый ушастый друг, я не знаю, как ты жил до этого, но люди на деревьях обычно не спят.

Тон Малика был удивлённым и где-то даже наставительным. С таким тоном отец общается со своим ребёнком, который, пытаясь познать мир вокруг себя, сделал какую-то очередную глупость. В какой-то степени, изгнанного члена племени можно понять: довольно странно, когда твой новый знакомый в какой-то момент просто берёт, удивлённо таращиться на небо и, желая что-то рассмотреть на нём получше, без всяких проблем, получше самых ловких обезьян, лезет быстро на крону дерева.

— Я не хочу спать, — покачал головой Нориэль, уставившись вниз на удивлённого варвара. — Солнце садится. Это — закат?

Малик открыл рот. Закрыл.

— Я не до конца понимаю, Нориэль.

— Закат тоже очень красивый, — беззаботно продолжил свою тираду Нориэль. — Но рассвет мне понравился больше. Восход солнца значит для меня больше, чем его закат.

Малик вновь открыл рот. Вновь закрыл. В его голове пронеслось множество мыслей. Так ни к чему и не придя, парень принял единственно правильное решение и развернулся в своё временное пристанище.

— Я спать. Делай, что хочешь.

Ещё больше мыслей в его бедной голове пронеслось, когда парень на следующее утро вышел из пещеры на улицу и увидел, как эльф сидел на всё том же месте. Будто на протяжении всей ночи только и делал, что глазел на небосвод.

Кажется, бровь парня впервые за долгое время дёрнулась.

— Ты... просидел там всю ночь?

Нориэль, как ни в чём не бывало, вновь опустил голову на своего нового друга.

— Мне хотелось рассмотреть рассвет получше.

— ...я тебя понял, — дипломатично кивнул парень. — Ты голоден?

— Я не нуждаюсь в еде, спасибо.

Малик сделал глубокий вдох и выдох. Температура была достаточно низкой, из-за чего из его рта вышло небольшое облачко пара. На лице обычно самоуверенного варвара проступила крайняя степень недоумения.

— Возможно, вода?

— Она для меня тоже не очень важна, — невинно ответил Нориэль.

Айша тоже первое время сильно удивлялась этому. Как казалось мальчишке, вопросы стандартные и он не видел смысла как-то врать. Молодой эльф в принципе не был привычен ко лжи. В Лесу в этом не было необходимости, Айша тоже была всегда с ним очень честной.

Нориэль прекрасно знал про потребности как людей, так и животных. Но скрывать как-то то, что у него этих потребностей нет, просто не видел смысла.

— Давай договоримся, мой новый странный ушастый друг, — сложил задумчиво руки Малик, — что это останется только между нами, хорошо?

Нориэль, с удовольствием рассматривающий рассвет, наслаждающийся со своими друзьями каждым миготом быстро меняющегося мира, вновь опустил голову на варвара.

— Почему?

Малик потёр глаза. Он и не представлял, на что подписался.

Определённо, Нориэлю предстоит ещё многое узнать.

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3190833>